

Кленина Елена Анатольевна, Песков Аркадий Евгеньевич

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТИВАЦИЙ

В статье показано, что отношение к смерти, закрепленное в системе социокультурных объективаций (погребальные традиции, ритуал, символ, сообщение), является не только одним из формообразующих и типологических факторов современной культурной идентичности, но и показателем ситуации, для которой характерна тенденция максимального табуирования и вытеснения темы смерти из внутрижизненного горизонта человеческого существования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 91-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

При этом важно подчеркнуть, что идеал власти, выраженный И. Грозным, не нов для XVI в. и уже усвоен к тому времени всем русским народом. Как отмечает М. А. Ющенко, в дальнейшем идея богоизбранности правителя окажется очень популярной и излюбленной темой идеологов власти. Даже в начале XX в. последний русский царь Николай II очень трепетно относился к идее происхождения власти государя от самого Бога. Как пишет С. Ю. Витте, полученное им воспитание и образование привили императору представление о том, что он «самим Богом создан для неограниченного управления русским народом для его блага, что он является, таким образом, орудием Всевышнего, посредством которого Всевышний управляет Российской империей» [10, с. 67].

Подводя итог рассмотрению зарождения консервативной идеи России, можно сказать, что уже на ранних этапах ее развития выкристаллизовывались такие наиболее характерные черты как, во-первых, ориентированность на поддержку государства, представленного персоной самодержавного монарха. Во-вторых, поддержка православия, выступающего в качестве религии-носительницы уникальности отечественного исторического и идейного опыта. Также нельзя не отметить имперской ориентированности отечественных консервативных взглядов, в наиболее яркой форме выразившейся в доктрине «Москва – Третий Рим».

Идея консерватизма формировалась в лоне государственной власти, и без сомнения одним из основоположников консервативной традиции можно назвать царя Ивана Грозного. Оформившаяся в его царствование консервативная традиция впоследствии стала основой для становления и развития отечественного консерватизма с его спецификой, выраженной в государственно-православном мировоззрении.

Список литературы

1. **Васильев А. А., Серегин А. В.** История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М.: Юрлитинформ, 2001. 450 с.
2. **Зуляр Ю. А.** Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Иркутский гос. ун-т, Науч. б-ка. Иркутск: ИГУ, 2006. CD-ROM.
3. **История политических и правовых учений.** М.: НОРМА, 2000. 736 с.
4. **Ляхова Е. А.** Особенности взаимоотношений Православной Церкви и централизованного государства (самодержавия) в XVI в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/103-6188> (дата обращения: 20.12.2012).
5. **Первое послание Ивана Грозного Курбскому** // Древнерусская литература. М.: Слово, 2001. С. 522–567.
6. **Стремоухов Д.** Москва - Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 425–441.
7. **Толчев И. А.** Отражение взглядов Ивана Грозного на власть в социально-политической практике Московского государства 40–80-х гг. XVI в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2010. 30 с.
8. **Усачев А. С.** «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.
9. **Филофей.** Послание о неблагоприятных днях и часах // Древнерусская литература. М.: Слово, 2001. С. 478–483.
10. **Ющенко М. А.** Ментальные истоки формирования представлений о российской власти на примере политических воззрений средневековой России (X – первая половина XVII в.) // Вестник ТГУ. 2008. № 312. С. 66–68.

TRADITIONALISM AS THE RUSSIAN STATEHOOD BASIS (ON NATIVE CONSERVATIVE IDEA FORMATION HISTORY)

Ivakin Grigorii Anatol'evich, Ph. D. in History

*Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President
ivakin@rane.ru*

The author considers the origin and genesis of conservative ideas in Russia from their beginning till the XVIth century, analyzes the ideological doctrine “Moscow is the Third Rome” by Monk Philothea, and the doctrines by Maximus the Greek, Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible and Andrei Kurbskii, formulates the significance of these doctrines for the subsequent development of conservatism in Russia, and comes to the conclusion about the state character of the Russian conservative ideology as its distinguishing feature, the traditionalist nature of the state-religious doctrine of power.

Key words and phrases: conservatism; traditionalism; ideological doctrine “Moscow is the Third Rome”; autocracy; Orthodoxy.

УДК 128/129

Философские науки

В статье показано, что отношение к смерти, закрепленное в системе социокультурных объективаций (погребальные традиции, ритуал, символ, сообщение), является не только одним из формообразующих и типологических факторов современной культурной идентичности, но и показателем ситуации, для которой характерна тенденция максимального табуирования и вытеснения темы смерти из внутрижизненного горизонта человеческого существования.

Ключевые слова и фразы: отношение к смерти; социокультурные объективации; смерть как социальное событие; погребальные традиции и ритуал; табуированность темы смерти; современное общество и культура.

Кленина Елена Анатольевна, к. филос. н., доцент
Волгоградский государственный технический университет
klenina.el@yandex.ru

Песков Аркадий Евгеньевич, к. полит. н., доцент
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
peskov.arck@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТИВАЦИЙ®

Стремление «похоронить смерть» наглядно фиксирует танатальные перверсии. Это, с одной стороны, – центрирование и визуализация телесно-идентифицированной смерти (Мавзолей), демонстрация «зрелища смерти» в средствах массовой информации и современном искусстве, с другой стороны, дистанцирование от переживания процесса умирания, события смерти, от лицемерия «обнаженной смерти». Отсюда – фобия мертвого тела, гримировка умерших, стремительные похороны, употребление эвфемизмов и т.д.

Как замечал еще А. Солженицын, «больше всего мы стали бояться мертвых и смерть. Если в какой-то семье смерть, мы стараемся не писать туда, не ходить: что говорить о ней, о смерти, мы не знаем... Даже стыдным считаем называть кладбище как серьезное что-то», ибо слышится: «...не мешайте нам жить! Мы-то ведь никогда не умрем!» [5, с. 155].

Табуирование проблем, связанных с отношением к смерти, эмоциональные барьеры и даже сам характер социальных и медицинских учреждений определяют невозможность для большинства членов социума ценностного отношения к событию смерти. Более того, в атмосфере современной ситуации, суть которой можно определить понятиями «разобщенность», «атомизация», это становится практически невозможным. Современное общество чувствует себя все менее и менее сопричастным к смерти одного из членов, забывая, что отношение «Я – Мы» подчеркивает реальное единство человеческого рода и предполагает, что «я умираю в каждом, и каждый умирает во мне».

Причина такого парадокса заключается в том, что современный человек менее социализирован, в нем мало «человеческого». В силу этого происходит отчуждение человека от события смерти, и это можно рассматривать как общую тенденцию социума к избеганию страдания. Смерть как значимое событие в жизни общества оказывается неуместной, поэтому общество психологически готово к удалению смерти, лишив ее характера публичной церемонии и сделав чисто частным актом, в котором участвуют лишь самые близкие и ответственные по роду службы.

Разрушение культуры отношения к смерти приводит к тому, что церемонии вокруг умершего становятся спонтанными формами выражения скорби. Похоронный ритуал становится либо сугубо интимным процессом, где оплакивается, в сущности, не кончина как таковая, а сам факт расставания, либо происходит «идеологизация» смерти, превращение в «поведенческий синдром», в котором необходимыми становятся формализм и нередко лицемерие официально выражаемой скорби. Событие смерти в результате банализируется и дегуманизируется, лишается искренности и эмпатии.

В настоящее время, например, прохождение человека по последним инстанциям (больница, морг, кладбище) сопряжено с девальвацией чувства человеческого достоинства. Человек умирает и как-то сразу превращается из субъекта, из личности в объект манипуляций со стороны совершенно чужих людей. Умерший, еще визуально оставаясь человеком (любимым, отцом, матерью, сыном, дочерью), оказывается вычеркнутым из человеческого сообщества. Даже сам акт погребения становится разновидностью массового производства. Траурные ритуалы перестают быть социальными и упрощаются: теперь их задача не в организации совместного переживания утраты, а, скорее, в отделении человека от смерти, в укрытии события смерти за ритуальными манипуляциями (а ведь именно посредством ритуала устраняется разрыв между биологической и социальной кончиной, благодаря ритуалу событие смерти обретает статус социальной трансформации). Современное общество, смещающее мировоззренческий центр тяжести в сторону внутрижизненных, земных ценностей, вытесняет смерть и делает ее присутствие маргинальным событием.

Несмотря на распространение производства и оказания ритуальных услуг («индустрия смерти»), для нашего времени актуален не только финансовый «дефицит похорон», но в данном случае речь идет и о безальтернативных похоронах (в подавляющем большинстве случаев это ингумация, поскольку сильна христианская идея, рассматривающая человека в единстве души и тела, отсюда – сохранение тела для Воскресения и невозможность кремации), о практическом отсутствии траурных залов, о «тоске по эстетизации» ритуала, которые позволяют человеку еще при жизни надеяться на достойный уход.

Однако еще М. Бахтин замечал, что эстетическое восприятие Другого – это восприятие «под знаком смерти». Эстетический подход к живому человеку как бы упреждает его смерть: «Память законченной жизни другого... владеет золотым ключом эстетического завершения личности» [1, с. 95]. Событие смерти, соответственно, предстает формой эстетического завершения человека. Поэтому многие перед смертью всерьез интересуются местом своего захоронения, способом, атрибутами. Некоторые даже продумывают такие детали, как обивка гроба, грим. Все эти приготовления имеют ритуальный характер и позволяют достойно подготовиться (по возможности) к событию собственной смерти. Поэтому эстетическое оформление похоронного ритуала предполагает, на наш взгляд, его совершенствование в сторону гуманизации.

Современный погребальный ритуал – фактически соединение чужеродных начал. С появлением новых похоронных символов и атрибутов происходит ревитализация старых: осуществляется симбиоз языческой, церковной, коммунистической и отчасти светской обрядности. Распространение такого рода обрядовой эклектики, причем, как правило, при полном непонимании духовной стороны этого процесса, приводит к тому, что ритуал существует как «пустая форма» (термин Г. Зиммеля).

Похоронная эклектика, «неоархаика» представляют собой одну из форм культурной идентичности современного российского общества. И альтернативы этому пока нет, так как отсутствует универсальный «этикет» отношения живых к мертвым, что, в свою очередь, порождает предельно циничное отношение к событию смерти Другого.

В данной связи встает вопрос: существует ли право умершего или он лишь объект манипуляций со стороны общества?

Умерший – такой же полноправный представитель человеческого сообщества, как и пока-живущие. Поэтому в настоящее время актуальны такие проблемы: правовая защита мертвых, кладбищ, памятников; этикетные формы поведения живых по отношению к умершим; эстетическое совершенствование похоронной практики в сторону ее гуманизации и индивидуализации и др. Именно в сохранении традиций, поддержании «связи» между живыми и умершими – смысл исторической памяти и социальности, поскольку каждая человеческая жизнь сопряжена как минимум с двумя основными социальными событиями: рождением (вхождением человека в общество) и смертью (уходом из социума).

И когда мы обращаемся к комплексу представлений, связанных со смертью, то становится очевидным, что нельзя не учитывать такой социокультурный феномен, как погребальный обряд. Человек, по словам М. Мамардашвили, приходит в мир с плачем по умершему, с осознанием своей участи. При этом человек – «существо погребальное» (Н. Федоров). Первые надгробные сооружения – первые знаки культуры, ибо встреча со смертью делает человека человеком культуры.

Выделение смерти как особого коллективно значимого события не было чуждо уже палеолитическим предшественникам человека современного типа. В фокусе погребального обряда само событие смерти свидетельствует, прежде всего, о социальных отношениях, так как «с нами может случиться событие, которое мы уже не берём на себя» [3, с. 74]. Смерть – это событие, со-бытие, совместный ритуал. Это также подтверждается значением самого понятия «ритуал» (от лат. *ritus* – «(при)-соединять», «связывать», «приводить в порядок»; соответствует слав. *obredъ* – «обряд», поэтому термины «ритуал» и «обряд» мы будем употреблять как тождественные и взаимозаменяемые). В соответствии с этим ритуал – «особенный инстинкт, который мы вправе называть социальным» [4, с. 188].

При выяснении социальных функций похоронного ритуала мы подразумеваем ответ на вопрос: какова его роль в системе социальных взаимодействий? Во-первых, посредством похоронного ритуала происходит приобщение индивида к определенным социальным ценностям. Ритуал связывает поколения и является одной из форм, обеспечивающей преемственность в социальном развитии. Тем самым он выступает как элемент культуры, создающий единый ритм, время культуры. Во-вторых, функциональная характеристика похоронного ритуала – интеграция, укрепление социального единства, поскольку человек, как правило, не способен преодолеть разрушительное действие страха смерти в одиночестве.

Главным в ритуале является то, что группа объединена «одной мыслью и единым действием». Именно солидарность и коллективное переживание события смерти смягчают, по крайней мере частично, трагизм личной утраты [2]. Ритуал можно рассматривать как «психический амортизатор», снимающий накал кризисной ситуации и отнимающий у человека и общества страх перед будущим. Поэтому стремление к деритуализации события смерти способствует, на наш взгляд, усилению социальной дезинтеграции и нарастанию страха перед смертью.

Таким образом, scientistic-technicistская апологетика демонстрирует такую интенцию в подходе к человеку, где общество и индивидуальный мир человека рассматриваются сквозь призму организации и функциональности, стабильности, прагматичности. Но это, по нашему убеждению, не исключает существования события смерти как элемента этой организации, как «социальной привычки», благодаря которой человек плавно входит в сложившуюся социальную организацию, которая позволяет ориентироваться в предельных ситуациях и не впасть в экзистенциальный вакуум.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / примеч. С. С. Аверинцева. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Клеина Е. А., Песков А. Е. Событийность смерти: социальный аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 56-63.
3. Левинас Э. Время и Другой. Значение и смысл. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А. В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
4. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
5. Солженицын А. И. Крохотки // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3. Рассказы. С. 146-157.

ATTITUDE TO DEATH IN SOCIAL-CULTURAL OBJECTIFICATIONS SYSTEM

Klenina Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Volgograd State Technical University
klenina.el@yandex.ru

Peskov Arkadii Evgen'evich, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
peskov.arck@yandex.ru

The authors show that the attitude to death, consolidated in the system of social-cultural objectifications (funeral traditions, ritual, symbol, message), is not only one of the form-generating and typological factors of contemporary cultural identity, but also an indicator of the situation, which is characterized by the tendency of the maximum taboo and displacement of death themes from the inter-life horizon of human existence.

Key words and phrases: attitude to death; social-cultural objectifications; death as social event; funeral traditions and ritual; taboo of death theme; contemporary society and culture.

УДК 94(47)+338

Исторические науки и археология

В статье рассматривается эволюция социальных отношений в переселенческой деревне и ауле Казахстана в годы нэпа. По мнению автора, аграрные преобразования, осуществленные Советской властью в центрально-европейской части России, практически не коснулись Казахстана, где продолжались сложные процессы социальной дифференциации крестьянства, вызванные столыпинской аграрной реформой. В переселенческой деревне преобладал «американский», фермерский путь буржуазной эволюции. В казахском ауле становление мелкотоварного уклада сдерживалось традиционными институтами, которые создавали сложнейшую гамму социальных отношений в аульной среде.

Ключевые слова и фразы: аул; переселенческая деревня; социальная структура; социальные отношения; традиционное хозяйство.

Козлов Александр Петрович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
petrovich138@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ И АУЛЕ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ НЭПА[©]**

Проблемы эволюции социальных отношений советского доколхозного крестьянства всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Вместе с тем отдельные аспекты социальной истории крестьянства в годы нэпа требуют своего дальнейшего исследования. Особенно это касается рассмотрения этих проблем с точки зрения региональных особенностей. К числу таких регионов, несомненно, можно отнести Казахстан, социально-экономическое и этническое положение которого в рассматриваемый период было весьма своеобразным.

Характерной чертой аграрного строя досоветского Казахстана, как известно, было отсутствие здесь помещичьего землевладения. Капитализм в земледельческих районах Степного края, населенных в основном казачеством и крестьянами-переселенцами, развивался быстрее, чем в центре страны. И если в Европейской России «черный передел» 1917-1918 гг. привел к резкому «осередничиванию» крестьянства, то Казахстану удалось избежать серьезных аграрных потрясений. Землеустроительные работы начались здесь только с начала 1920-х гг. и имели совсем иную направленность. Своей основной целью они ставили перераспределение